

Марина Мамсүтдинова

*Нарисованный
голос*

Стихотворения и поэма

«Марина Шамсудинова несомненно одарена. Ее стихи — серьезная попытка войти в художественную литературу своей темой, своим подчерком, а там гляди и своим голосом».

Эдуард Балашов

Марина Мамсүтдинова

*Нарисованный
голос*

Стихотворения и поэма

«Языковая картина мира, — говорит лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Михайлович Миронов, — является залогом единства и сплоченности народа, а, значит условием достижения тех целей, которое ставит перед собой Российское государство».

В этом смысле филология и одно из ее наиболее значимых проявлений — поэзия — дают ясное представление человеку о самом себе, о российском народе, об эстетических и нравственных ценностях. Значимость этой функции филологии и поэзии трудно переоценить!

Поэзия устанавливает связь между информационным пространством и нравственностью. Она позволяет преодолеть утилитарный, прагматический подход к жизни, вернуть человека самому себе, помочь обрести подлинный смысл существования.

Особенно это важно для молодежи, которой надо помочь преодолеть засилье культурных суррогатов, потакающих человеческим слабостям и предрассудкам.

Иркутское региональное отделение партии «Справедливая Россия», депутат Законодательного собрания Иркутской области Григорий Геннадьевич Шестаков поддерживают и высоко оценивают писательский труд молодых поэтов Иркутской области. И в качестве благотворительной акции обеспечивают издание настоящего сборника стихов.

*Автор выражает личную признательность
и огромную благодарность Григорию Геннадьевичу Шестакову
за помощь в издании этого сборника
и надеется на дальнейшее благотворное сотрудничество.*

Своевольная ученица

*«В XIV веке ее бы сожгли на костре,
да и сейчас не поздно».*

Ст. Куняев (из рецензии)

Она была самой неуступчивой и не поддающейся воспитанию студенткой моего заочного семинара, который я вел в Литературном институте с 1998 по 2003 год. Однажды, совершенно отчаявшись и не разубедив ее в том, что негоже изображать японских самураев, попавших в наш плен осенью 1945 года благородными и душевными существами, я написал ей жестокое письмо:

« ... прочитал я твой «Божественный ветер» и задумался. Сибирь ты знаешь хорошо и тайгу видишь и слышишь, и язык у тебя живой, настоящий, и японскую часть жизни изображаешь искренне и умело... Одного я только не понимаю: почему ты не хочешь в упор видеть многое из русско-советской жизни того, что видеть необходимо. Не забывай, что тяготы и страдания японцев в плену были не только следствием сталинско-смершевской системы, но и кармой, возмездием со стороны истории японским богам и духу самурайства, который был не слабее арийского духа и германского суперменства. Откуда взялись пленники в твоих слюдянских лагерях? Они были захвачены в плен не на японской земле, а на земле Северного Китая, в Монголии и Корее. Куда пришли как хищные и предельно беспощадные захватчики. Пришли не ради защиты своей любимой Японии. С нежно цветущими вишнями, с романтической Фудзиямой и садами камней, а ради того, чтобы владычествовать над более слабыми крестьянскими народами — китайцами, корейцами, монголами. Я не раз за границей встречался с русскими эмигрантами, жившими в Китае во времена японской оккупации. Они — эти русские — с ужасом

рассказывали о японцах, об их самураях как о жесточайших садистах и насильниках, для которых жизнь человеческая ничего не стоила. И эти русские в который раз заканчивали наши разговоры одним и тем же: никогда не доверяйте японцам! Это самые коварные и хищные из всех восточных племен. И Курилы им ни за что не возвращайте. Курилы — русская земля!..

Хиросима и Нагасаки были не случайны, и американские обыватели с удовлетворением восприняли атомные бомбардировки Японии, что было не менее ужасно, но Возмездие было неизбежно. А проявлялось оно по Высшей Воле в самых неожиданных формах и обличьях.

Я не призываю Вас к этой точке зрения... Коль пишете историческую поэму — будьте объективным историком ...

И все-таки не забывайте, что вы — русская женщина и русский поэт. Пытаться понять японскую душу и не стремиться выразить душу русскую — в этом есть какое-то извращение мировоззренческое. Но при этом еще раз хочу сказать, что в поэме есть строки, строфы и страницы, которые я читал с истинным волнением, а порой и с восхищением перед смелостью и свободой Вашей творческой воли... Что еще у вас есть за душой? Присылайте. Всего доброго.

Ст. Куняев»

Вскоре я получил от Марины ответное письмо. Привожу его почти целиком, чтобы читатель почувствовал и понял ее «трудновоспитуемую натуру».

«Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич! Посылаю Вам свой диплом с отобранными Вами стихами. Так как поняла Вас. Поэму посылаю тоже. Последний вариант сделан. Не сомневаюсь, что и в нем вы найдете крамолу и морально-этические несоответствия. Поэму я писала о людях, может, потому она такая живая? Просто о людях, независимо от их вероисповедания, цвета кожи и идеологических предрассудков. Они, — люди, которые пришли в этот мир, и им

«не повезло» с эпохой, со страной, с верой. Я посмотрела на них просто с другого угла зрения, с иного, также, как я когда-то посмотрела на Иуду. Как на обреченного человека, которому «лучше было бы вообще не рождаться на свете».

Я пожалела обреченных. Мои японцы никому были не нужны, ни у нас, ни на своей родине. Их никто не ждал нигде. После Второй мировой войны всю «военщину» в Японии люто ненавидели. Их презирали. Собственное правительство отказалось от них. Жалкие остатки совершивших этот невозможный «побег чести» сдали как «русских шпионов» властям Бирмы. Они умерли там. Ни один из них не дошел до своей Японии. Последний из них в Бирме ушел в море навстречу своей Земле и смерти, глядя на недоступные берега Японии. А я их пожалела, потому что «земля к земле и пепел к пеплу», и каждому из нас хочется уйти в свою родную землю, а не умирать, как скоту в лагерных конюшнях, что в Германии, что в Японии, что в России. Довольно сумбурно пишу, извините, как смогла.

Меня очень расстроил грозный, с оттенком обиды тон Вашего письма. Станислав Юрьевич, я никогда ни за чьей широкой спиной не искала ни лучшего угла, ни лучшей судьбы. Какая есть — моя. Людей, которые бы на все сто процентов соответствовали бы твоим ожиданиям, просто не существует, это я поняла давно. А Ваши занятия мне всегда очень нравились, потому что Вы всегда относились к литературе и к поэзии, в частности, не как к ремеслу, а как к предназначению. «С дерева искусства нельзя сорвать ни одного настоящего листочка, не заплатив за это всей своей жизнью», — сказал один иностранный классик.

Я Вас очень уважаю. Позиция человека, который столько лет пребывает в состоянии войны, меня восхищает. Вы верите в свое дело, оно для Вас свято, дай Бог, чтобы вы сохранили искренний свет русской культуры в бурном водовороте сегодняшней — бесчеловечной, эгоцентричной, массовой... Мы с Вами, наверное, в чем-то похожи, и думаем об одном, только для Вас на первом месте всегда будет государство, а потом — человек, а для меня человек на первом месте.

Вы живете в состоянии войны, а на войне сочувствующих не бывает. Либо друзья, либо враги — никакой середины. Я бы очень хотела, чтобы Вы меня поняли, но перечитала письмо и убедилась, что главное все равно еще не сказано. Я лучше об этом напишу новые стихотворения, чтобы во всем разобраться самой. Я ведь, в сущности, и пишу стихи, для того чтобы понять, Станислав Юрьевич. Не сердитесь на меня! Я все равно Вас ни на кого не променяю.

*Искренне преданная Вам
своевольная ученица Марина Шамсутдинова.*

19.02.2003 г.»

Вот так уже несколько лет мы с ней спорим. Да она не только со мной спорит — а со своим поколением, с мужчинами, встречавшимися на ее пути, с государством...

Но при всем том — вижу, что поэт она страстный, талантливый ... В конце концов идеологические — исторические распри, может быть, для молодого нынешнего поколения имеют гораздо меньшее значение, нежели для моего.

«Горлом хлынула песнь, то не вопль на Ти Ви,
Если что-то и есть — это Спас на Крови»...

«Но даже в «Убью» мне слышится — я люблю».

«Я не люблю мужчин, которых я люблю».

«На губах твоих, со вкусом вишни
Зреет злое слово «не люблю»...

Вот между какими полюсами жизни мечется душа «своевольной» Марины в новой книге ее стихотворений.

Станислав Куняев

*Божественный
ветер*

(Поэма)

Маяжники

1

Плещет затоками Дон,
Дрожит от раскатов грома
Белый станичный дом.
Плес, мешкотня парома.
Яблочный тихий рай,
Полуденная истома.
Живи, да не помирай —
Каждая тень знакома.
Капли литого меда,
Жирная колбаса.
Раки с косога брода,
Жиденькие леса
Сквозисты, привычны.
Пришлого много народа.
Сюда бежали обычно
За тихой свободой,
Волей наполовину:
За хаткой, землицей, овином,
Жизнью без крепости,
Гладких коров пасти.

Оставим в покое Дон.
Иной сибиряк чалдон —
Дитя неподкупной тайги.
Чувствуешь силы в душе? — беги.
На берегах кипучих рек
Искал свободы человек,
Быстрина сбивала с ног,
Но если подняться смог,
Усталый, голодный, дерзкий,
Пусть даже очень промок,
Пусть даже климат мерзкий.
В него бежали, как в омут
С головой непокорною кануть,
Начать судьбу по-иному,
На новом месте воспрянуть,
Заработать свои права.
Отслоится душевная муть,
Как сорная, свянет трава,
Все прошлое, все ненужное,
Беспамятное, недужное,
Суровый сибирский уют —
Ленивого тут не ждут.
Проверка на вшивость,
На крепость, на живость —
На перекатах студеной реки
Кроили породу сибиряки.
Смешался кандалный звон
С тунгусской гортанною песнью.

Бурятско-ордынский закон,
С поверьями русских полесий,
Московский говор,
Татарский смех,
Французский повар
И чей-то грех,
Кабацкий вор, —
Бездомный сор
Из года в год,
Из века в век.
Смесь дикости,
Сплав стойкости.
Себя соблюсти,
Семью спасти,
Долгой зимой прокормить,
Кедровничать, зверя бить,
От нужды — не от злости...
Крепчали сибирские кости.
Косая сажень в плечах,
А непотребный зачах —
Отсеял жестокий отбор.
Здесь даже каторжный вор
Природным блистал благородством.
Холеная барская кость
Могла обернуться скотством.
Добро проявляло злость,
Если добро показушное
Таежники — люди ушлые,
На мякине не проведешь.
Ты человек или вошь?
Проявишься, хошь-не-хошь.

Судьба «Божественного ветра»

(Всем не вернувшимся домой посвящается)

Часть первая

1

Спящих рощ голубой венок,
На плечах твоих, о, Ямато!
Восходящего солнца поток
Золотит самурайские латы.

Красота твоя и венец,
Блеском сакур маня и играя,
Освещали бесславный конец:
Гибель пленного самурая.

Не от жала стального меча,
Грудь распарывающего до рвоты,
Он сгорел, как свеча, сгоряча
От тоски по тебе и работы...

2

Стены скользки, сырой подвал,
От границы этап к Байкалу,
Здесь живой полумертвым стал,
Воля сникла мало-помалу.

И покорные, словно рабы,
Бесконечный тянули срок.
Относили к могилам гробы,
Зарывали в сырой песок.

Забывали свои имена,
Только родины милые песни
Высоко-высоко, как струна,
Пел старик, утомленный болезнью.

Ни таскать, ни рубить не умел,
А глаза разъела слюда.
Кто расскажет теперь, как пел?
Кто его понимал тогда?

За беззлость и тихий нрав,
За негодность к мужскому труду
Заработал он горстку прав —
По Слюдянке искать еду.

Разрешали на сопках лесных
Собирать для лекарства траву
И поделки собратьев своих
Продавать, веселя детвору.

Ну, а если налажен сбыт —
Производство само собой!
Мы точили ему нефрит,
Украшая все той же слюдой.

Чашки, ложки, резные плоски
И игрушек веселый рой,
От свистка до губной гармошки.
«А япошка — мастеровой!»

Одобряли его старушки
(Жалость женская широка),
Наливали ему за игрушки
В кружку теплого молока,

Насыпали в мешок картошку,
Из печи — каравай ржаной
И кедровый орех, и морошку,
Омуль с радужной чешуей.

С пылу, с жару круглые шанежки...
Словно ведали те хозяйюшки,
Сколько лет ему, сколько зим
Вьюгой смертною «Баю-баюшки»
Отпоет его баргузин.

А весною метровые льды
Раздробил о скалы Байкал,
Валунами лежалой слюды
Громоздился их мертвый оскал.
Объявили субботник у нас.
Чтоб своей не смущал бы кучей —
Из оттаявших трупов наст,
Побросали с отвесной кручи
Размороженный трупный балласт —
Наших братьев, погибших от холода,
От побоев, цинги и от голода.

Их земля своим телом укрыла —
Незавидная вышла могила.
Ни креста, ни доски,
эка невидаль,
Чтоб ни портили очередность,
Под откос узкоглазую падаль,
И в порядке отчетность.

...Мы полрой прикрывали слезы,
Полноводные, как река.
Посылали начальству угрозы
И увидели старика...

Прижимал он к глазам ладони,
Грыз зубами колючую цепь,
Так узду раздирают кони,
Когда рвутся в степь,

На простор, в бесконечное поле,
Разметав тростник,
Принимая и смерть за волю,
Пусть на краткий миг...

3

Что-то тихий старик замыслил?
И не ведали, не гадали,
На обычный таежный промысел
За приварком его снаряжали,
Чтоб отведать, как хороша
Прибайкальская черемша!

Восхищает тайга весной.
Ее страж не велик, но смел,
Средь снегов принимает бой
Знаменосец весны — пострел.

Фиолетовые макушки
В золотисто-зеленых латах
В окруженье берут опушки,
Все в проталинах, как в заплатках.

Потихонечку, не спеша,
Осторожно и без натуг
Собирается черемша,
А в народе — «медвежий лук».

Поселковые ребятишки
Ему мудрость растолковали:
«По весне заломал мальчишку,
А ты, старый, уйдешь едва ли.

Понимашь, надо зорко глядеть:
Черемшой набивает медведь
Отощавшее за зиму брюхо.
Плохо видишь? Так слухай ухом!»

4

Улыбался лесным былинкам,
Разгребая еловую мякоть,
Любовался солнечным бликом
И ему захотелось плакать.

Где-то там, за высокими кедрами,
Ветер с морем играет в прятки.
Путь домой измеряется метрами,
Когда рядом, и все в порядке...
Путь домой выстилают тела,
Жертвы, жертвы — дорога боли.
Жестко карта им все легла —
Мерзкий счет выставляет неволя.
«Кто знает, какую ценой,
Когда, кто вернется домой?»

5

Распускается иван-чай,
И поля от жарков жарки —
Бесконечна в душе печаль
Неусыпной моей тоски.
Слышу голос родной земли,
Голос пращуров, голос воли.
Словно в жилы мои потекли
Волны древней и мудрой крови:
Край надежды, земля чудес,
Заповедный таежный лес.
С давних пор от лап подлеца
Он в себе сохранял беглеца.

Пусть от холода и от жажды
Потемнеет твой веер бумажный,
Вольные люди — дети тайги,
Чувствуешь силу в душе — беги!»
Можно судьбою играть,
Плыть по жизни под парусами,
Но землю, где умирать,
Всегда выбирайте сами!

6

Овчарка на зоне волк,
Натягивает поводок,
Знает в погоне толк...

Теплой плотью, кровью живой
(Для охоты на беглое тело)
Не баландой и не травой
Кормят мясом ее, чтоб летела.

Сквозь овраги и бурелом
Разрывать по команде: «Ищи!»
Челюстями, как ржавый лом,
На затылках ломать хрящи...

На бессильного старика
С ладонями, как у ребенка,
Охотились наверняка...
А птицы кричали звонко,
Голосили, словно просили.
Путал след овраг и лощина —
Это только природе по силе.
А овчарка — просто машина.

Побег из Ада

Часть вторая

1

По узкой подземной ветке
Снуют и снуют вагонетки,
Груженные пыльной слюдой,
Политые горькой слезой.
Старика затолкали в одну,
Словно камень пошла ко дну,
Погрузилась в сырую темень.
Замелькали серые тени
При свете чадающих свечей.
Ты здесь и уже ничей.
Дорога в один конец...

2

На куче битого щебня
Умирал седой самурай.
Ему казалось волшеббно
Прощался таежный край
С его одинокой душой,
Сон распоследней межой
Прижался к его изголовью,
Сливался с остывшею кровью
Его полувыхсохших жил.
Только во сне он жил.

Сознание в предсмертный час
Сорвало иллюзию с глаз,
Вернуло в сырую пещеру,
В темный и душный подвал,
В запах смрада и серы...

— О, Ямато! — позвал
Он свою далекую землю
На границе вечного мрака,
Дабы избегнуть страха:
— Пошли мне солнечный знак!

Заходила земля ходуном.
Осколок вспыхнул лучистый
Трещиной на граните,
В отработанной штольне,
Тоньше ушка угольного,
Ярче, чем солнце в зените!
Поймал самурай осторожно
Лучик в сухую ладошку.
Нежнее держать не можно,
Над ним подышал немножко
И умер в забое мглистом.
Скалы вокруг зашатались,
Земля застонала от боли,
Мрачные стены подались.
Знамением сладостной воли
Проклюнулся тоненький лаз.
Был он чуть больше наперстка.
Хлынул потоком хлестким,
Смывающим слезы с глаз,
Сметающий все на свете
Свежий байкальский ветер!

5

Тяжек невольничий стон
Светлому оку планеты,
Мутит кристальные воды
Доброго великана,
Спящего в лоне Земли.

Вода голубого Байкала
Не всегда чиста и прозрачна,
Закипает она от накала
Его нервов, становится мрачной.

Хлещет дождь, гудит ураган.
Разрывая густой туман,
На сопки сходит сама
Хозяйка ветров — Сарма!

Пугает заблудшие души
И мечет, и топит, и крушит
Беспомощные суда
Сверху и снизу — вода...

6

В одну из таких ночей
Рубили навстречу свету,
Не жалея свечей,
Веря в святую примету
Доброго знака. Дорога.
Осталось совсем немного...

— Всем уходить нельзя!» —
 сказал седой генерал...
 Камикадзе должны остаться,
 Сколько смогут держаться,
 Выполняя работу за нас,
 На родине вас оплачут
 Сакуры черной цветы...
 Грозный «Божественный ветер»
 Ваши судьбы отметил,
 Ваши развеял мечты...

.....
 Без перерыва на отдых и сон
 Рубят слюдяные глыбы.
 Только подальше ушли бы,
 Скрылись за горизонт!
 Надо рубить, камень возить
 Полные вагонетки
 Ни за пайки, ни за призы,
 Ни за плевки и монетки
 Валяются с ног и чумеют,
 Работают, как умеют —
 Жизни бойцов выкупают
 Из злополучного плена...
 Пусть всемогущие Боги
 Хранят их души в дороге,
 Они сберегут тела!
 Дорога к солнцу легла
 Вверх по крутым горам
 Окоемом седого Байкала...
 Горы таежный храм,

Куда нога не ступала
Еретика особиста,
Смершевского садиста.

8

«С камнями на пулеметы
Пошли узкоглазые черти.
Ну, кто же тут разберет их,
Фанатиков жертвенной смерти!
Молчали, как на параде!
Спросите, чего ради
Месяца три давали
В день по шестнадцать норм?
Полные наливали
Чашки на их прокорм?

Лагерь засыпан гранитом,
Чтоб не губить своих,
Взорвали вход динамитом,
Воду спустили на них.
Смыли подземной рекой», —
Рапорт под грифом: «Секретно».

Сколько погибло конкретно
Ведает лишь могила
Из мрамора и воды —
Время смыло следы,
Тайну пещера укрыла...

Обрывки дневников...

Часть третья

1

Омываема океаном
Спит Япония.
Пряным, алым
Огибаемая восходом,
Просыпается год за годом...

До нее не добраться нам.
Каждый верит своим богам,
Но отеческим берегам
Мы — далеки, близки — снегам.

Стала мачехой нашей Сибирь,
Стала сводной сестрой — Тайга.
Но не вся, два аршина вширь,
Станет нашей могилой Тайга.

Дом, как призрак в ночном тумане,
Манит пламя, коснись, обманет
Зазеркальной своей теплотой.
Кто там замер? На месте не стой...

Здесь не слышно собачьего воя,
Здесь не видно следов конвоя ...

Даже небо в осколках слюды,
Машут кедры мохнатыми крыльями.
От недоброго взгляда следы
Мы скрываем за сухожилиями
Этих древних таежных рек,
В пляске их каменистых россыпей.
Мы домой хотим, человек!
Сколько братьев наших без просыпу
Спят в завалах из каменных плит
Неподъемных гранитных стен.
Так их сон нашу кровь леденит,
Что мы спать не можем совсем.

Записки японского генерала

2

Надо путь уступить молодым.
Обдирает морозный дым
Череду бесполезных соцветий.
Обладают бессмертием дети,
Для которых миг бесконечен.
(Да еще сумасшедший беспечен).
Надо, надо путь уступить.
Боже правый, как хочется жить!

.....
Генерал перестал молиться,
И, казалось, застыл в сатори.
Лица, лица, простые лица,
Переменчивые, как море.

(Ожидают ответа вскоре...)
Отрешенность бессвязных мыслей:
Старость, немощность, слепота,
Сила в мыслях уже не та.
Досконально познав науку смерти,
Непременно полюбишь жизнь.
(Ах, шальная мысль, отвяжись!)
Неподвижное, как яйцо,
Маска смерти рождает скуку.
Самураю важнее лицо,
Когда тело вкушает муку.
Маска мысли родила улыбку,
Поиграла складками губ,
Словно в морге качая зыбку,
Вызывая невольный испуг,
Хрипло вырвалось слово: «сэппуку»,
Он сказал и отдернул руку
От лица. Оно стало чужим...
На мозги тяжелее гири —
Слово страшное: ХАРАКИРИ.

.....
Долина бела от снега,
Ей не хватает красок.
Жадного поцелуя
Огненно-жаркой сливы,
Рассыпавшей у корневища
Красные лепестки...

Харакири

О, условности крепкие цепи.
Не татами, а телогрейка
Под коленями у меня.
— Пусть кайсаку кедр не зацепит,
Размахнувшись у старого пня...
(Что же дальше диктует традиция?)
Надо из сакадзуки напиться
Ритуальным глотком саке,
Распоясаться и налегке
Над священным занятием склониться, —
Тушью хокку нарисовать,
Лист сложить и камнем прижать,
Отодвинув на три ладони...

Древний веер и меч уложен
В блюдо круглое, без излишеств.
Отказаться? — Позор, мальчишество.
Избежать бесчестья не трудно.
Трудно с легкостью умереть.
Не в постели, сейчас, прилюдно.
Нет, кайсаку в глаза смотреть
Слишком тяжело.
Теперь молиться...

Лица, лица, чужие лица.
Ни забыться, ни отгородиться.
Только бы ничего не забыть.
Боже правый, как хочется жить!

Молниеносным движеньем рассек
Он живот от груди до чресел,
Вертикально, наискосок.
Прояснившийся взгляд стал весел.
Улыбнулся одной гримасой,
А кайсаку главу отсек.
В нем и не было вовсе массы.
Как подкошенный лепесток,
Он склонился над головой,
Разделенной навеки с телом.
Словно душу перед собой
На сугроб уложил неумело.

На проталине, красной от крови,
Лист ольхи стал нездешним, багряным,
Словно лист японского клена
Пятерней прикоснулся к Тайге.
Где ты, Япония, где?

4

И ушли, приминая снег,
Через кряжи Хамар-Дабана,
Чтоб негаданно и нежданно
Пересечь знаменитый хребет.

Лютовал ночами Култук.
Приседали на каждый стук,
Хруст надломленного сучка.
Нервно вздрагивали от толчка
Прибайкальского землетрясения.

Как у матки, искали спасенье
У покрытой камнями земли
(У которой моли — не моли,
Человек не получит прощенье).
Духам синто — капли sake,
Ее щедро налили Тунке —
Прародительнице Байгала,
(По-бурятски — «высокий огонь»).

«Ты прости наши жертвы малые,
Неприкаянного не тронь,
Мать долины, златая Тунка,
Поднимается в облака
Твоя солнечная вода.
Пусть минует злая беда
Тех, кто хочет вернуться домой.
Награди нас счастливой судьбой!
Охрани нас от лихолетья...»
(Только слабый природе брат!
Сильный путь расчищает плетью).

6

Годы плавилась в злом горниле
Половинчатого отчаяния.
Неуступчивые — замолчали,
Несгибаемые — сгнили.
На три метра оттает почва,
Ниже — вечная мерзлота.
Грязь, болото, топкие кочки,
Лагерь, склизкая мокрота.

Снова снятся страшные сны
Присягнувшему жизни войску,
Даже просто выжить — геройство
В мясорубке любой войны!

.....
Не отпускают грехи,
Когда смежаются веки
Зарубками на человеке,
В мозгу проступают вехи,
Занозы, осколки, огрехи,
Ошибки, просчеты, прорехи...
Минутному счастью помехи...

Черемуховый враг

Что же может со смертным случиться
Кроме смерти? — Какое открытие?!
Кто тихонько идет, кто мчится,
Будто в лавку спешит к закрытию,
Всех расталкивая, опережая,
Словно двери захлопнут рая.
И напишут: «Вакансий нет.
Покупайте обратный билет».

.....
А черемуховый враг,
Он любому подарку рад.

.....
Сколько в землю на удобрение
Полегло в живописных местах.

И всемирный закон тяготения
У подножия распластал
Бесприютных страдальцев множество
И прикрыл горевое убожество
Чьих-то богом забытых детей
Покаянной красой своей.

.....
Ах, черемуховый овраг,
Там семья и пропавший брат.

.....
Палачей тоже оплачут.
Траурный сервис им
По скупому тарифу оплачен,
После смерти притиснут в строй.
По стандарту — оградки, рябинки.
Пару дней некрологи, поминки,
А потом тишина и покой...
И железную тумбой стой
Под облупленную звездой...

Песня парня из Нагасаки

Какая разница, где был дом,
Если дома под небом нет.
Я родился на солнечный свет
В городе с крепким мостом.
Таких в Японии много,
Вам есть куда возвратиться.
Город над тихой рекой
Может мне только сниться.

Выжженная дорога.
Обугленная страница
Письма к любимой жене,
Достопочтенной Кохару.
Тень на разбитой стене —
Мама с отцом напару,
Как слезы оплывшей свечи,
Сжаты в один комок...

Жалящие лучи...

Я теперь одинок.
Поздно! Кричи не кричи,
Никто уже не услышит!
Бренное тело

дышит
мое,

Душа умерла...

Воронье

Черные чистит перья:
«Обыденная потеря
На фоне военных бедствий».

Вранье!

Кто и когда их мерил
Статистикой соответствий.

Сильный — бесчеловечен,
Адовым знаком отмечен.

Пепел по городу — пуха нежней...
Небо над городом — солнца светлей.
Тени лежат без движения —
Нет у них отражения!

Выкипевшая река
По-прежнему глубока.
Ни единого звука,
В городе звонком — глухо.
Займите, прошу, слезу мне!
Слезы смывают безумие
С окаменевших очей.

Лязг самурайских мечей
Город, что больше ничей,
Не встревожит. Отныне и присно
В вымершем городе чисто.
Это небесная кара,
На всю Японию карма
За злые мысли легла
И за людские дела.

На поколение до,
На поколение после,
На поколение рядом,
На поколение возле
Ядерного пожара —
Это небесная кара!

Море

(финал поэмы «Судьба божественного ветра»)

Море мои обнимает колена,
Теплое море...
Целые полчища смрада и тлена
Сгинули в море.
Море, морская гладь у причала,
Желтые камни.
Море, уже не начать сначала,
Сгинуть и кануть.
И раствориться в твоей колыбели,
В круговороте.
Боль утолить, утопить веселье
Разом, на взлете.
Слишком печальна земля для могилы,
Слишком привычна.
Всех уравнила и всем поделила
Голосом зычным.
Море развеет унылую скуку
Смертного часа.
Каждому жесту и каждому звуку
Море — гримаса.
И разломить эти воды густые
Вам не под силу.
Кто выбирает желанья простые.
В море могилу
Я выбираю, забыв о покое
Каменных статуй.

Горько-соленое гордое море
Волнами радуй.
Как отраженье божественной силы,
Алые зори.
Огненный шар между белым и синим,
НЕБО И МОРЕ.

2000–2002 гг.
Киев — Иркутск.

Высокий плен

***

Я стихия — стихи я пишу,
Еле слышное в воздухе слышу.
И почти над землею вишу,
Кто-то вышний мне душу колышет...

***

Зигзаг — удел идеалистов,
Круг любит тот, кто нравом крут.
Пунктир — из племени садистов.
Лишь на меня не найден кнут.
Пока собой еще побуду,
Судьбой немного поиграю,
Веселый нрав и верность чуду —
Моя нестертая прямая.

***

Опять писала ни о том,
И ни тогда,
Не очень признанный прием
Во все года.

Моя страница

Моя страница — моя странница,
Перо и белая бумага,
Здесь время веретенцем тянется,
Полощется на древке флага.
Бела страница — флага белого
Защита труса побежденного.
Черна страница — вызов смелого.
Строка — тропинка проторенная.
Полоска — белая и черная,
Матроска в буре закаленная.

Совет: уж коли варишь щи,
Попробуй не переборщи.

* * *

Ольге Шеметовой

Виновен этот день и свет,
Азарт его и тлен,
За то, что выдумал поэт
Себе высокий плен.

И думать больше не моги,
От власти сонных муз,
Сбежать захочется — беги,
Не сбросишь тяжкий груз.

Он по ночам мешает спать,
Из дома гонит прочь.
Ты оставляешь кров, кровать
И что-то шепчешь в ночь.

***

Лишь одно стихотворенье из ста
Записала на пол-листа.

Нарисованный голос

Нарисованный голос на белой бумаге
Распадется на тысячу узеньких строчек.
Чтобы врать по инету, не надо отваги,
Ведь слеза эти строки совсем не омочит.

Монитор равнодушен к призывам о чувстве,
Оэкранено время безликих, без бликов,
Но детей мы находим отнюдь не в капусте,
Имена подбирая из кличек и ников...

Прибыль от миража

Капиталист, мой моралист в законе.
Легче простить, чем что-нибудь вам объяснить.
Слово мое дрожит, как птенец на ладони,
Может, ты прав, по течению надежнее плыть.

Быть на мели, выгрести в тихую пристань,
Где комары, бабочки и камыши,
Может, мой стих неумел, бестолков и выспрен,
Только царапает — не достает до души.

Деньги важней, чем картины, этюды, сонеты,
Если за них не выручить ни гроша.
Кто на весы положит след от кометы?
Кто просчитает прибыль от миража?

Глупо живу — ничего на счету не пряча,
Душу-копилку однажды разбила в сердцах.
Будет кредит мой, взятый под жизнь, оплачен
Звоном монетным ландыша-бубенца.

Денежный фонд лучика золотого,
Бросовой мелочью жемчуга не тая,
Из полусна извлекаю живое слово,
В рамку вставляю нового бытия...

***

Нанизывал слово на слово
Бездумно и бестолково,
Накалывал каждую букву,
Как бабочку или брюкву,
И жуткое, как приведенье,
Тянулось стихотворенье...

Время серых

Время серых поэтов —
Бледнолицых, бесцветных,
Однополых дуэтов
И обложек конфетных.

Плоскодонные в доску,
Грудью на амбразуру
Книги книжных киосков
Рвутся в литературу.

«Время серых» по серым
Метит изредка красным,
Кровью жертвенной, первой
Их героев несчастных.

В куполах и стигматах
От бандитских разборок,
Их молитв троекратных
Благороднейший шорох.

Путь бубновый, крестовый...
Пост на нарах горячий
И побег бестолковый —
Анекдотец ходячий...

В нем умрут и воскреснут,
Обрастут телесами.
Путь их адово-крестный
Под ТВ небесами...

***

Распадается день, как безумный, на право и лево,
И холодная тень в поднебесье уходит кругами,
Но пока не скажу себе мысленно: «жить надоело», —
Остаюсь на земле, остаюсь, непутевая, с вами.

Чет и нечет крестом вышивают судьбы покрывало,
Забываю своих и зачем-то чужих почитаю.
Отложу на потом, что когда-то меня составляло,
В паутинках седых свои волосы пересчитаю.

Поменяли свой цвет безрассудства плоды золотые,
Опустеет мой сад, плоть живую заменит бумага,
Мысли нет, я и бреду синюшному рада отныне,
И чернильная льет через край ядовитая влага.

За порог, за овраг, за лесной непроезжий очесок,
Где легко молодым, там седым оставаться нелепо,
Черный сдвинется мрак — на прошедшее красное лето,
Перепевом пустым вам останется лишь отголосок.

Старый друг

Какого на́фига и фи́га
Ломаешь пьяную комедь.
Заляпан стол, открыта книга,
От мыслей можно офигеть.

И никакой столбец не начат,
Оконный плавится туман,
Да радио уныло квачет
Про то, как счастья ждал цыган.

Цыган цыпленку не товарищ,
Хотя и скажет злобно: «Цыц».
Тихонько книжечку поставишь
На полку, среди всех страниц,

Свою найдя, и просветленье
Коснется медленно чела...
Зачем ты пьешь до отупенья,
Чего ты ждешь? — Чтоб ночь прошла?

Чтоб в отражениях былого
Своей нащупать жизни нить?
Хотя доходит до смешного —
Найдешь и снова станешь пить...

Комедиант и просто бабник,
Тот самый друг, что стоит двух,
От поисков себя ослабнет,
Стихами, загружая слух,

А руки грязной стеклотарой.
Пойдет к кафешке за углом,
Там сдаст ее прибыток старый —
«Поллитра», пиво, новый том ...

И снова начинай сначала,
Пили его за все грехи —
Кому ума не доставало —
Ночь, комната, стакан, стихи...

*Верните женщину
в любовь...*

***

«Я влюблена в самую Любовь!» —
Наверно, в этом что-то есть.
«Любимому не прекословь,
Ему судьбу доверь и честь...»

А если ты жарчей огня,
С душой, как чайка над водой,
Любви нет пристани, нет дна,
Чтоб утонуть...
Что делать той?

***

Я вас отпускаю по синему морю.
Я вас отпускаю, залетные птицы.
Совсем не неволю, совсем не неволю.
Противиться можно, — нельзя воротиться.

Себе наливаю горячего чаю,
Крепчайшего, терпкого, с капелькой меда.
И утро приходит, и птицу встречаю,
Нездешнюю птицу большого полета.

И дом наполняется гомоном новым,
Но в мягких объятьях все также не спится.
И без остановок звучит бестолково:
«Противиться можно — нельзя воротиться».

Пошутка самоанализа

Я не люблю мужчин, которых я люблю.
Они чуть-чуть подлей, чем остальные.
Мне врут, а я их, в сущности, терплю —
На грошик дела, да слова пустые.

Быть может, я люблю их за слова,
Нанизанные на скупую нитку?
Немножечко кружится голова,
Когда читаю в золоте визитку:

«Ген. дир.», «Ком. дир.», «Советник», «Президент»...
Как много в этом спеси и гордыни.
И в портмоне надраен каждый цент.
Запоминаю на визитке только имя.

Я выбираю имя невзначай,
Каким их мама в детстве называла,
Их приглашаю на простецкий чай,
На штопанное в клетку покрывало.

Стихи читаю и слова тихи.
Я говорю, что в мире зла не мало.
Гоню их в дверь, шаги мои легки,
И вою от тоски под одеялом.

Ссора

«И не будет тебе ни пути, ни дороги!»
(Это мне?). А тебе, и дорога и путь?
Отменяю тобой вдохновенные строки
И пытаюсь осипшею грудью вздохнуть.

То же небо в оборках бывшего величия,
И березы, как зебры, в белесом лесу,
Где тебя обложу трехэтажной дичью
И такую же дичь про себя понесу.

Московский романс

В.Г.

Тихо тикают: «тики — так»,
Мои часики на ладони.
Говорят: «Все пустяк, пустяк»
На неведомом лексиконе.

Тихо тикают: «тики — так»,
Ни меня, ни тебя не жалея.
Что-то было не так, не так.
Просто отрок прошел по аллеям.

По аллеям моих стихов,
Начитавшись красивых книжек,
Ни стихов не хватило, ни слов,
Ты уходишь, так уходи же.

Не романтик и не чудак,
Просто винтика не хватило.
Что-то было не так, не так,
Может, как-то не так любила?

Сначала обнять, потом отпустить

Березовой баней
Пропах до небес
Березовый лес.
С листочком в кармане,
Без всяких чудес
Нырять в подъезд.

Два шага — ступенька,
Ключа поворот,
На ощупь — кровать,
Не Женечкой, Женькой
Она в темноте
Захочет назвать.

Иллюзий не скроет —
Размыта печаль,
Расплавлена цель.
Иллюзий не строит —
Ключа поворот,
Два шага — постель.

Бессмысленность речи —
«Пусть лучше кровать,
Чем вой в пустоту».
Ведь жизнь быстротечна —
Пора выбирать —
Он выберет ту.

Он выберет ту,
Ее выбирать —
Не надо совсем.
Ключа поворот
Здесь сцена — кровать.
Прощанье без сцен.

Она его любит,
И хочет понять,
И хочет простить.
Иллюзий не строит.
Сначала обнять,
Потом — отпустить...

***

Почему-то зачем-то нужно, чтоб слова разгорались жарко,
Чтоб сметало и разносило прахом по полю, на распыл,
Чтобы грозная, яркая сила меня злом по земле носила,
Чтоб глаза полыхали жарко, чтобы ты меня разлюбил...

Почему-то зачем-то нужно, чтоб от слез глаза растворялись,
Чтоб огнем по щекам стекали, и обиды мне горло жгли.
Для чего-то кому-то нужно, чтобы мы, как враги, расстались,
И слова, как свинцовые гири, на страницы мои легли.

Попытка соблазна

Уходишь прочь, просить я не вольна,
Твоей души растрогать не сумела.
И только ночь, да желтая луна
Мне шепчут, что тебя не переделать.

Ночь наступает черта не черней,
И звезды — камни в луже небосвода
Перевернутся в ней. Игра теней
Сольется в пятое, иное время года.

Луны клубочек разматывает сны,
Во сне распахнуты — раздеты и разуты,
Мы сердце распускаем до весны
И тянутся секунды, как минуты.

Поводит раздобревшая луна
Боками в тесном обруче заката,
До завтра похудеет, как струна,
В бараний рог согнется...

Виновата.

И ты виновен — «Гой тебя еси»,
Ты не спросил счастливый свой билетик,
Ты вызвал по мобильнику такси
И заперся в рабочий кабинетик...

* * *

— Любимый, погасли свечи.
Мой нежный, скоро рассвет.
— Любимая, миг бесконечен,
Часов у бессмертия нет.

— Любимый, тебе приснилось.
Я плачу, ты хмуришь бровь.
Не вечна любовная сырость,
Но бесконечна любовь.

— Любимый, одно касанье
Бросает то в лед, то в огонь.
И звезд чрезмерно мерцанье,
Я вспыхну, ты только тронь.

— Мой нежный, я вспыхну сверхновой,
Ты имя лишь приготовь...
Рассвет васильково-лиловый.
Мы смертны — бессмертна любовь.

* * *

Солнце затмили... Луны ресниц
С ним срослись...
Брови — хвосты черно-бурых лисиц —
Спрятались
В зарослях рыжих стриженной челки
Бывшей веселой вздорной девчонки.
Пламень небесный в ней тихо погас,
Ты выпил все солнце из карих глаз.

***

Все пожары собраны в окурке,
Жмутся зажигалки на ветру.
Мы друг с другом поиграли в жмурки,
Я же до рассвета не умру.

Я уйду в двенадцать, пополудни,
Там, в зените, бьется алый шар,
Словно маячок на хлипком судне,
В перекрестье всех небесных кар.

Я уйду на цыпочках, не слышно
И обидой вас не уколую,
На губах твоих, со вкусом вишни
Зреет злое слово: «не люблю»...

Ведьмино веретено

Сердце стучит, славно ткется любви полотно,
Точно также по стуку в груди мы любовь узнавали.
Больно колется ведьмино веретено,
Где от взгляда колючего на сто веков засыпали.

В полусне продирались сквозь розовый куст
И кляли свое сердце напропалую
За желанье коснуться отравленных уст
И погибнуть от лживого поцелуя.

Сердце строчит, с перерывами робко стучит.
Пережимает и рвет свою ткань от мороза...
Ложь погостит и отпустит. Написан лежит
Свиток чьей-то любви, где все точки — тире —
это азбука Морзе.

***

Верните женщину в Любовь,
Она простит вам все на свете,
Шутя подсядет на морковь
И отощает на диете.

Достаньте Солнце и Луну,
Дарите звездные алмазы,
Все вам простит, не обману,
И не поймет, что это стразы...

Верните женщину Любви,
Пусть на мгновение, но верните,
Пусть будут слезы до крови...
Потом на цыпочках уйдите...

* * *

Я тебя никогда не брошу,
Потому что ты самый лучший,
Потому что твои ладони
Мягче бархатного крыла
Белой птицы из Белой стаи.
Я тебя никогда не брошу
И обидой не огоршу.
Буду ласковой всех и строже,
Потому что люблю тебя.

Бабье лето

Г.Т.

Сентябрь дарит свои приметы,
Всех перечислить не берусь...
Ты шепчешь: «Наконец, женюсь»,
И наступает бабье лето.

И круг кольца, и солнца диск,
Заслуженный покой в ненастье,
Тебе пророчит мир и счастье
Сентябрьский желтый чистый лист!

* * *

Колокольчиком слух разносится,
Слава сплетнею на окне.
И полощет разноголосица
Языками да обо мне.

Не расколешь жизнь, как горошину,
А покатится — не найдешь.
И полюбишь-то нехорошего,
А по любви милый хорош.

Обещенишься — куда денешься,
Расплескаешься досуха,
И очутишься медной денежкой
На ладони у дурака.

Разменяешься медной мелочью,
Медной сдачею с пятака.

Намятка сыну

*Мужская ласка,
Как свежая краска —
Прижмешься — испачкаешься!
(этиграф тоже мой)*

Мужчина после тридцати —
Тип отрицательный.
Типично лыс, бестактно практичен,
Пролонгировано логичен.
Толст,
Если холост — худ.
И руки об него оботрут
Бешеное количество одиноких баб —
Это труд!
Баобаб тоже одинок, но высок.
С женщин брызжет малиновый сок,
Они любят мужчину после тридцати,
Его, как знамя, можно вперед нести,
Если его вынести.
Как это вынести?
Вынести мусор проще,
Чем сор из избы вымести...
Мужчина лет пяти,
Что из тебя вырастет
Лет этак после тридцати?
Ну, а пока — расти!

***

В кромешной тьме, у черта на куличках,
Гадаю я о жребии на спичках,
Судьбу терзаю, карты теребя,
Я не люблю или люблю тебя.

Никто с начала мира, мироздания
Не видел столь коварного создания,
Никто не строил призрачнее здания,
И рухнет все, обломками скрипя,
Я не люблю или люблю тебя.

Ломая голову, кружась под потолком,
Все мысли вздорные давно сваялись в ком,
И этим мерзким шерстяным клубком
Я околдован, я — под каблуком,
Я задыхаюсь, и судьбе грубя,
Я не люблю или люблю тебя.

***

Была бы нужна тебе,
Ты бы ко мне пришел.
В радости ли, в беде
Сел за широкий стол.

Я для тебя тоска? —
Так бы сказал, не врал.
Ладонью бы у виска
Душистый след оттирал.

Просто бы налила
В стакан до краев вина,
Простила бы, поняла,
Осталась потом одна...

Без вести запропал,
В радости ли? В беде?
Зарастает тропа
В лопухах, в лебеде...

В темне вальса

«Я ведь тебе ничего и не должен,
Значит, помочь не могу».
Это послание в рамочке сложной
Рву, как струну. На бегу.

Листья мешаются в пыль листопадом,
Мелются в сажу слова.
И ничего уже больше не надо,
Кругом идет голова.

А надо мной в бесконечные дали
Желтые на голубом
Листья летели. Цветы увядали,
Напоминая о том,

Как заметет работяга-октябрь
На полустанке следы,
Как успокоит, утешит хотя бы,
Скроет в потоке воды.

Имя тебе — мужчина...

Все в этом мире здорово,
Заманчиво, так и знай.
Можно сказать: «До скорого».
Можно ответить: «Прощай».

Айсбергом перевернуться,
Начало назвать концом.
Разбить надоевшее блюдо,
Тебя обозвать подлецом.

Все в этом мире так зыбко,
Непостоянство, как суть.
Можно обидеть улыбкой,
Можно от счастья заснуть...

И как скала между нами —
Пыльный оконный проем.
Махнуться бы именами.
Может, друг друга пойдем.

***

Я вынимаю ручку, как нож из спины.
(Твоей спины на чужой постели).
И мысли черны, и слова черны
Из тех, что друг другу сказать не успели.

Железной ручкой тычу в тетрадь.
Мало руке стола, и обыкновенно
В рост поднимается фраз хромоногая рать.
Сквозь этот строй мне опять продираться из плена.

И буду жечь безжалостно, как в бою.
Не стоит свеч та игра, где едят без соли...
Но даже в «убью» мне слышится: «Я люблю»...
Поставлена точка, и, видимо, я на воле.

* * *

Я иду дорогой каменной
Между лесом и рекой.
В листьях птичьи крики замерли,
Жизнь погружена в покой.

Над оврагами крутыми
Фонари горят зари.
Вспоминаю твое имя.
И не помню, хоть умри!

***

Я смою все мысли с его чела.
Буду носить с упрямством мятежным,
Как желтая злая пчела
Медовую одурь — боль и нежность.

В его руках я синицей усну.
Серым журавлем на синем небе
Промелькнет минутный испуг
Белой волной на смятой постели...

Брось меня, Господи, в черную хлябь,
Испепели, разорви на части,
Но, пожалуйста, не оставь
Без надежды на горькое счастье.

Хлебот кормила
птицу

***

Не мое это было счастье,
Потому что мое не плачет,
Не зовет в ночи безутешно,
Не ломается пополам.

Не мое это было счастье,
Так легко прокричалось: «Здрасьте!».
Не мое это было счастье,
Своего никому не отдам.

Потому что пушисто и хрупко,
Как ворсинка на коже дракона,
Как игла с его жизнью бесценной,
В глубине мирового яйца.

Не зови ты меня бедою,
Не зови ключевой водою,
Не отдам я ключи от счастья
И тепла своего не отдам.

Потому что в ночи безутешно
Над чужим убивалась вдовою,
Сбрызнув слезной мертвой водою,
Разорвала напополам.

Откуда я

— Откуда я? — Из декабря,
Когда дорогу в грязь дробя,
Дождь капал, снег ронял себя
Мне под ноги, мрак волком выл,
Когда темнее всех светил
Луна, казалось, умерла.
И дождь, и снег, и вой, и мгла.
Я в этом месиве брела
Куда-то вдаль, на огонек,
Где кто-то также одинок
И где не спросят у меня
«Откуда я?»»

Памяти Машури

Никто ни в чем не виноват.
Вдруг за весной случилась осень,
Попав под летний листопад,
Мы у судьбы прощенья просим.

Произошедший невпопад
За шаг не в такт, против теченья,
Никто ни в чем не виноват,
И не за что просить прощенья...

«Ах, если б да кабы могли
Вспять повернуть родную душу,
Отнять добычу у земли,
Ах, если бы Господь послушал...»

Но в теплых солнечных лучах
Купает крылья небо сине,
Там отступают смерть и страх,
И просьбы кажутся пустыми...

***

З. А. Громовой

Напекла маманя подорожников
И скатеркой жизнь мне развернула.
Не иду, а сами несут ноженьки,
А маманя бедная уснула.

Не минуешь тихого погоста,
Тесная предвечная светелка,
Где не важно — тонкий или толстый —
Все в плену у мирного поселка.

Каждый в пласт родной земли уложен
Теплыми вселенскими руками.
Я живу, я счастлив, вечно должен
Господу, Земле и доброй маме.

Сироты млечности

Мы землю, как кручу,
Штурмуем нахалом.
Умаявшись, мучим
Кайлом, самосвалом.

Под вспоротой веной
Кровь бьется, струясь,
Бальзамом целебным
Соленая грязь.

Где долу, где мору,
Поклонимся в пояс.
Уходит к другому
Заблудшая совесть.

«Земля неохватная», —
Ржут наглецы.
Как голь перекатная
Наши гольцы.

От помыслов грешных
Себя не хранили.
Растаяла нежность —
Мы землю убили.

Не люди, а Волки!
Мы сироты млечности...
И воют двустволки
По человечности...

Земля без людей

1

Как прекрасна земля без людей,
Как чиста, как по-детски невинна.
И не слышно нелепых вестей,
И любовь ее к небу взаимна.

Как причудливы склоны ветвей,
Как округлы и трепетны липы,
В стороне от кичливых идей,
Вдалеке от унылой молитвы,
Как прекрасна земля без людей!

2

Шел день шестой. Земля существовала.
Над полем, над изнеженной листвой
Сияло солнце, бережно сияло.
Душа к Земле просилась на постой.

Мол, ничего, что грубые одежды,
Что тело не пригодно для жилья,
На небе жить, на небе безмятежном,
Мол, это бытие без бытия.

Кричала, что молиться не устанет,
Текли с небес горячие ручьи.
Но голос был, что Род на Род восстанет.
Бог полем шел. Он полем шел ничьим...

***

Снежное сияние деревьев,
В облака закутанных берез.
Неразрывность утонченных звеньев
Закалил под градусом мороз.

Закрутил в седую паутину,
Заманил в тенета декабря.
Белую болотистой глиной
Залепил и реки, и моря...

На веревке мерзлая простынка
Бьется на прижимистом ветру.
А душа застыла, словно льдинка.
Наломавши дров, слезу утру.

Чет и нечет, словно черт и нечерт —
Белая и черная черта.
Скоротаю божий день и вечер,
И сойдет на землю чернота.

Затоплю спасительницу — печку,
Мой сверчок заплачет на шестке.
Из трубы взметнется к Богу свечка,
Жар с золой оставлю кочерге.

***

У меня будет крошечный мир,
Под окном, с голубою сиренью,
Я его залистаю до дыр,
Зачитаю, как стихотворенье,
Я его сберегу от потерь,
От разлук я его заколдую,
В этот мир запечатаю дверь,
Проживу свою жизнь, как чужую...

* * *

Как лист зеленый пожелтеет день,
Наполнится усталостью и прелью.
И там, где слух разбужен был капелью,
Уснет мудрец под медный звон травы,
Желтеющей на поле васильковом.
И старый день звенеть не будет новым.
И старый дом быльем лишь порастет.
Засыпан снегом, в ноябре уснет.

Как пестрые несучки на насесте
Деревья оперенье из листвы теряют.
Перья — листья, перья вместе
Набьют подушки пышные зимы.
Все станут ждать, когда отверзнув слух,
Вдруг встрепенется солнечный петух,
Разбудит свой курятник оголтелый,
Лист развернется — клейкий, неумелый
И никогда не вспомнит прошлый день.

***

Из хрусталя цвела Земля Обетованная.
И в белом снеге словно затаясь,
Спала земля, любимая, желанная,
И смертная в душе ослабла связь.

Ты обжигашь легкие мороженым,
Густым и дымным зноем голубым.
А снег лежит нетронутым, нехоженым,
Хрустящим, свежим, пышным, молодым.

Утонешь в этом море снега белого,
Умоешься застывшею росой.
Не тронешь — не оценишь мира целого
С по-детски не целованной красой.

Цветет земля, пресветлая головушка,
Под снежными ресницами смеясь,
Над ней еще гнезда не свил соловушка,
А смертная уже бессильна связь.

***

Прости, мой друг, ведь ты, к несчастью, дорог
Поэту, что с законом не в ладу —
Мне чуть за двадцать, вам — чуть-чуть за сорок,
В вас утонула на свою беду...

И пишутся затейливые вирши:
«Ваш огонек украсил мой ночлег...»
Люблю, грешна, меня простит Всевышний.
Что наша жизнь? — какой-то жалкий век.

Мой добрый друг, вам проще, вы сильнее,
А мне сегодня ночью не уснуть...
Вы — не Ромео, я — не Лорелея,
Мне право грустно сделалось чуть-чуть.

И обронила слово, как слезинку,
На волосы, что жарче янтаря.
Простите непутевую Маринку,
Я вас прощаю, проще говоря...

* * *

«Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...»
А.С. Пушкин

Как беда нахлынет
Черною водой,
Станет на губах полынью,
Горькой лебедой.
Соберу в кружок я стаю
Резвых птиц,
Воробьишек привечаю
И синиц.
След петляет по дорожке
Не простой.
Я рукой посыплю крошки,
Милый мой.
Пусть развеют озорные,
Расклюют.
Все дела мои пустые,
Весь уют.
Божьим именем скликаю
В хоровод
Божьих птичек в Божью стаю
Круглый год.
Накормлю их без вопросов,
Милый мой,
Хлебом белым, чистым просом,
Чередой.
И отступит тьма седая
В тот же час,
Птичий щебет, Божья стая
Молит Господа за нас.

***

Город бьется в сетях золотой паутины,
Словно рыба об лед, словно сом в ледостав.
Шапку снега на брови из елей надвинув,
В снежной спячке забылся зимний лес.

Я устал:

От нелепой, бессменной борьбы с бездорожьем —
Суший с круч Араратских наблюдает как сын —
Несмышленный балбес его, с грязною рожей,
Водит стайку машинок по дорогам крутым.

А по этим дорогам до Него не добраться,
Кто же горние тропы асфальтом мостит? —
Посреди перекрестка напиться, надраться,
Протрезветь... и останутся горечь и стыд.

Нет дороги прямой, чем стежок по равнине,
Снежной белой равниной, пешочком домой,
Там назначена встреча...

Мечтаю о сыне —

Он обещан мне в городе ранней весной...

А дорогу судьбы не проложит по карте
Мне библейский Сусанин — пророк Моисей.
Я бреду по дороге, я ищу, я на старте,
До Тебя бы добраться, до Тебя бы скорей...

***

Дойду до кромочки жилья
Версту с лихвою.
А в поле нету ни жнивья,
И волки воют.
Как много теплого огня
В глухой деревне.
Там встретят всякого меня,
Там голос древний
Гудит в чащобе за углом,
В лесу древесном.
Там поят белым молоком,
И хлебом пресным.
Там насыщают, не таясь,
За палисадом.
Там мало доброго меня,
Но и не надо.
Тепло и чисто от огня
В светелке тесной.
Там отпоют в распев меня,
И я воскресну.

Русак

Алексею В.

Может, сказка топает за полем,
Да бежит по жниве русский заяц.
Ничего ты, миленький, не понял,
Ни брUNET, ни лысый, ни китаец...

Просто синеглазый мой мальчишка,
С юными случайными прыщами,
На лице синяк, а может, шишка,
Любим вас таких, таких прощаем.

Всех прощаем, где иных набраться,
Русый, мой русак, любимый заяц,
Станем спорить, драться, целоваться,
Ни брUNET, ни лысый, ни китаец...

Мой воитель — воин-охранитель,
Верный оградитель мой от страха,
Словно сказки русской светлый житель —
Русый чуб да красная рубаха.

Не рубаха — рыжая футболка,
Не кольчуга — камуфляжный китель,
Берцы, стрельбы, смена, самоволка —
Сердца беспардонный похититель.

Скучно вас рожают наши пашни,
Не хватает русого в природе.
Милый мой, ни пришлый, ни вчерашний,
Русый огонек в честном народе.

Мой город

Мускулистый, как все настоящее,
Город просто пристанище дал
Моему поколению ледащему,
Что сходилось квартал на квартал.

Мы кололись паршивыми иглами,
Собирали в полях коноплю,
Обменявшись в постели бациллами,
Всею подряд говорили: «люблю».

Цепью звонко дрались и нунчаками,
Водку смело мешали с вином,
И ушли за железными траками,
Кто в Чечню, кто в кино за углом.

Кто-то прибыли в банке отрачивал,
Кто-то полк поднимал под ружье...
Поколение мое настоящее,
Ты ушло, словно детство мое.

Город, город, ты манишь нас пристально,
Все прощаешь отечески нам,
Только делит с тобою неискренно
Кто-то фарт, кто-то жизнь пополам.

* * *

С кротостью помолюсь
И не коснусь плеча.
Тихо отравит грусть,
Не вызывай врача.

Горлом хлынула песнь,
То не вопль на Ти Ви.
Если что-то и есть —
Это Спас-на-Крови.

Спасу нет на глоток.
Лоскутом плащаниц
Кровоточит платок...
Хлебом кормила птиц.

* * *

*(Под впечатлением от кинофильма
«Горячий снег»)*

Бой принять,
Словно смерть принять,
Залпом смерть принять,
Как стакан
Зелена вина
И ничья вина,
Что на грудь легла,
А не пьян...

Содержание

Вступительное слово	
«Своевольная ученица». <i>Станислав Куняев</i>	6
Божественный ветер (поэма)	11
ВЫСОКИЙ ПЛЕН	
«Я стихия — стихи я пишу...»	40
«Зигзаг — удел идеалистов...»	41
«Опять писала ни о том...»	41
Моя страница	42
«Виновен этот день и свет...»	43
Нарисованный голос	44
Прибыль от миража	45
«Нанизывал слово на слово...»	46
Время серых	47
«Распадается день, как безумный, на право и лево...»	48
Старый друг	49
ВЕРНИТЕ ЖЕНЩИНУ В ЛЮБОВЬ	
«Я влюблена в саму Любовь! ...»	52
Я вас отпускаю по синему морю.	53
Попытка самоанализа	54
Ссора	55
Московский романс	56
Сначала обнять, потом отпустить	57

«Почему-то зачем-то нужно, чтоб слова разгорались жарко...».....	59
Попытка соблазна.....	60
«— Любимый, погасли свечи...»	61
«Солнце затмили... Луны ресниц...».....	62
«Все пожары собраны в окурке...».....	63
Ведьмино веретено	64
«Верните женщину в Любовь...»	65
«Я тебя никогда не брошу...»	66
Бабье лето.....	67
«Колокольчиком слух разносится...».....	68
Памятка сыну.....	69
«В крошечной тьме, у черта на куличках...»	70
«Была бы нужна тебе...»	71
В темпе вальса.....	72
«Имя тебе — мужчина...».....	73
«Я вынимаю ручку, как нож из спины...»	74
«Я иду дорогой каменной...»	75
«Я смою все мысли с его чела...»	76

ХЛЕБОМ КОРМИЛА ПТИЦ

«Не мое это было счастье...»	78
«Откуда я...»	79
Памяти Машуни	80
«Напекла маманя подорожников...».....	81
Сироты млечности.....	82
Земля без людей.....	83

«Снежное сияние деревьев...».....	84
«У меня будет крошечный мир...»	85
«Как лист зеленый пожелтеет день...»	86
«Из хрусталя цвела Земля Обетованная...»	87
«Прости, мой друг, ведь ты, к несчастью, дорог...»	88
«Как беда нахлынет...».....	89
«Город бьется в сетях золотой паутины...».....	90
«Дойду до кромочки жилья...».....	91
Русак.....	92
Мой город	93
«С кротостью помолюсь...»	94
«Бой принять...»	95

Шамсудинова Марина Сагитовна

СТИХИ

Вступительное слово

Станислав Куняев

Литературный редактор —
Станислав Юрьевич Куняев

Дизайн и компьютерная верстка —
Жевлакова Татьяна

Корректор — Егорова Надежда

